

Елена Г. Задворная, Ирина А. Ерофеева (Минск)

К вопросу о когнитивном стиле Иосифа Бродского

Ключевые слова:
*когнитивный стиль, беседы
и интервью Бродского,
лирика Бродского,
ментальный модус мнения,
синтаксическая специфика
текстов Бродского.*

Но наступает какой-то момент, когда в общем уже не важно, кто и что о тебе думает, когда твоя деятельность становится просто твоим существованием. И это ты, и если даже ты не прав, это все равно ты, это твоя жизнь, ни на чью не похожая. Ты проживаешь свою жизнь, ты пишешь то, что ты знаешь, или то, чего ты не знаешь. Но это ты, это твое знание и твое незнание. Ты оказываешься в колоссальной изоляции, и изоляция эта, и автономия (со всеми присущими изоляции и автономии неприятными аспектами) – это в конечном счете и есть судьба и

Чланак је посвећен анализи неких црта когнитивног стила Ј. Бродског. У раду је покушано да се на текстуалном материјалу разговора и интервјуа Бродског и на материјалу његове лирике спроведе анализа специфика менталне позиције ЈА-субјекта, да се размотре особености реализације опозиције „моје мишљење – мишљење других“ и утврде синтаксичке карактеристике песникових текстова које су условљене спецификом његовог когнитивног стила.

иной быть не может (Иосиф Бродский. Из выступления на творческом вечере в парижском Институте славяноведения 26 октября 1988 г.).

При всех тех модификациях, которые речемыслительная деятельность говорящего претерпевает при протекании в разных коммуникативных ситуациях, в ней, по-видимому, всегда могут быть выделены определенные константы, которые представляет собой, по выражению Б. Л. Борухова, нечто наподобие «суперклея», склеивающего элементы художественного мира, подобно стекляшкам в мозаике» (Борухов

Стил 2003

1992: 15). К числу таких сущностей, как представляется, относится *когнитивный стиль*, определяемый как «ценностно обусловленный и семиотически значимый выбор когнитивных категорий, влияющих на структуру познавательной деятельности» (Баранов, Паршин 1986: 24). Одним из элементов когнитивного стиля, на наш взгляд, является ментальная доминанта – знание или незнание, мнение или вера, уверенность или сомнение – определяющая специфику осмысления и переживания мира субъектом, а также фиксации результатов такого осмысления и переживания в соответствующих речевых произведениях. Мы полагаем, что эта характеристика когнитивного стиля языковой личности должна представлять собой инвариантный признак, не зависящий (или, по крайней мере, мало зависящий) от типа или жанра речи, дискурсивной сферы, коммуникативной роли и прочих переменных составляющих человеческой коммуникации. Поэтому в данной работе мы, обращаясь к анализу когнитивного стиля Иосифа Бродского, рассматриваем в рамках единого объекта исследования такие, на первый взгляд, различные жанры, как беседы и интервью Иосифа Бродского, а также его лирические тексты.

Как в текстах бесед и интервью Бродского, так и в его лирике, ярко реализуется тема поливариантности бытия, многоаспектности возможных оценок, неединственности и неоднозначности любого мировоззренческого либо поведенческого выбора. В лаконичной и точной формулировке А. К. Жолковского эта черта интенционального мира поэта зафиксирована так: «Бродского интересуют «аль-

тернативные варианты» поведения, мироощущения, жизни, бытия» (Жолковский 1992: 272). Действительно, одна из самых выразительных характеристик когнитивного стиля Бродского – программный отказ от претензий на обладание истинной, принципиальное дистанцирование от всего того, что могло бы быть интерпретировано как утверждение окончательного и определенного знания о мире или человеке, языке или поэзии. В дискурсе Бродского фиксация личностного и субъективного характера позиции «я»-субъекта обычно носит очевидный и акцентированный характер: он предпочитает говорить от *своего* имени, подчеркивает, что высказывает *свою* точку зрения, и отвергает любые попытки генерализации его суждений или оценок, см. характерный пример: *Прежде всего, я не люблю обобщений. Я уже сказал, что лично я предпочитаю строгую форму. Но я на этом не настаиваю. Уильям Карлос Уильямс высказал свое мнение, а я – свое, только и всего* (Бродский 2000: 32).

Излюбленным ментальным модусом Бродского закономерно оказывается модус мнения:

— Следите ли вы за современной русской прозой и поэзией?

— *Я не скажу, что слежу – во всяком случае, за прозой. Тут дело в темпераменте, я полагаю. И в качестве русской прозы. Что касается стихосложения, на сегодняшний день ситуация в русской изящной словесности, на мой взгляд, совершенно замечательна. [...] Преобладающей нотой в современной русской поэзии является, на мой взгляд, некая ностальгия – прежде всего в стилистическом смысле [...] И от поэта, на мой взгляд, естественно*

ожидать, что он предпримет попытку осознать настоящее или представить себе будущее. Этим, как мне кажется, никто не занимается. Я нахожу это несколько огорчительным (Бродский 2000: 672–673);

— А что для вас представляется главным в вашем творчестве?

— Я однажды сформулировал это, и, пожалуй, так оно и есть. Я думаю, что роль писателя и художника – показать людям истинный масштаб вещей. Например, я думаю, что хороший писатель дает представление о жизни как некой длинной цепи, и хороший писатель может очень точно указать ваше звено в этой цепи. [...] Таково мое мнение (Бродский 2000: 18);

— Грустно, когда такие вещи случаются с выдающимся поэтом.

— Грустно, да. Но это объясняется, я думаю, тем, что прежде всего он был дворянином, а кроме того, большую часть жизни прожил вне России [...] Но думаю, что действительно не было большего... хотя не хочу осуждать его сурово; думаю, поэты сталинского периода, писавшие «Слава Иосифу Виссарионовичу», в значительной мере уступали Тютчеву. Вообще я думаю, что в двадцатом веке только у двух-трех писателей можно заметить отход от традиционного восприятия мира [...] (Бродский 2000: 324).

При этом симптоматичным показателем значимости ментальных компонентов высказывания для говорящего является то обстоятельство, что сам ментальный модус иногда оказывается предметом уточнений, исправлений, метаязыковых автокомментариев, ср.:

Я считаю, что взял из иудаизма – **впрочем, не столько считаю, сколько**

это просто существует во мне каким-то естественным образом – представление о Всемогущем как существе совершенно своевольном (Бродский 2000: 323);

Я верю – что значит верю, не верю, дурацкие слова – если речь идет обо мне, то **думаю**, что мне удалось не стать циником (Бродский 2000: 320).

Особого внимания заслуживает и содержательная сторона суждений, так или иначе задействованных в текстах Бродского в реализации оппозиции «мое собственное мнение – мнение другого/ других». Вообще говоря, характер суждений, вовлекаемых в эпистемическую коллизию данного типа, существенно влияет на ее остроту: одно дело – различие во мнениях относительно ситуаций, сущностей, явлений, которые по самой своей природе не допускают однозначных трактовок и оценок (понятно, что не может и не должно быть единства во мнениях типа *Самый полезный фрукт – это ...* или *Лучший роман XX века – это ...*), и совсем другое – акцентирование данной оппозиции по отношению к социальным стереотипам, устойчивым социальным оценкам, общепринятым моральным нормам и т.п. (ср. псевдомнения-трюизмы типа *Лгать нехорошо, Родители должны любить своих детей, Власть не должна нарушать права человека* и т.п.). В этом смысле очень интересно то обстоятельство, что в дискурсе Бродского никакая степень устойчивости и общепринятости того или иного суждения не является гарантией от его вовлечения в поле личностного переосмысления, ср. беглое, но показательное сопоставление некоторых социальных стереотипов с их коррелятами у Бродского:

Общественное мнение

(социальный стереотип, общепринятая этическая норма, устойчивая социумная оценка и под.)

Мнение Бродского

Родители любят своих детей

— Но все-таки это была любящая семья?
— Я думаю, да. Мать, видимо, любила меня. Или по крайней мере не испытывала ко мне неприязни. Я был единственным ребенком в семье – так что приходилось меня любить (Бродский 2000: 180)

Оказаться в тюрьме очень плохо, и это тяжелое переживание для человека (тем более для поэта)

Короче, вас приводят в камеру. И когда меня в первый раз в жизни привели в камеру, то мне, между прочим, очень там понравилось. Действительно понравилось! Потому что это была одиночка (Бродский 2002: 87)

Издеваться над психически больными людьми негуманно и отвратительно

[после рассказа о том, как медперсонал психиатрической больницы издевался над пациентами] Ну, каждый развлекается как может. А там, в психушке, служить скучно, в конце концов.

Политическое преследование поэта властями недопустимо

Видите ли, мне с самого начала процесса было ясно, что они хозяева. И поэтому они вправе на вас давить. [...] И ничего экстраординарного в этом нет (Бродский 2002: 96)

Перлюстрация личной переписки – нарушение прав человека

Они [письма], конечно, перлюстрировались, но это было как-то все равно. Ну в ряде случаев я выражался обиняками, но это было даже приятно, поскольку ускоряет развитие метафорических систем. Такие вещи всегда полезны для языка, тем более для литератора (Бродский 2002: 109)

Лгать нехорошо

[после рассуждений о тех искажениях истины, которые допускали Герцен и Достоевский] Вообще-то автору так и следует вести себя. Тут я автора несколько не обвиняю. Тут он всегда прав. И он даже не лжец (Бродский 2002: 226)

При этом в мире Бродского нет места «монохромной» ментальной оппозиции «я прав – ты (он, они) не правы»: фиксация своей точки зрения на проблему никогда не носит вызывающе-демонстративного характера и осуществляется в спокойно-констатирующей тональности; определяя свое мнение, Бродский практически всегда готов оговорить правомерность и естественность позиции другого, что находит отражение в оценках типа *это вполне правомерная точка зрения, это естественно, это нормально*, ср.:

На самом-то деле то, что русскому человеку представляется вульгарным, эти американские оценки – «о, такой-то стоит миллион долларов, такой-то – десять миллионов», – имеет свой резон (Волков 2002: 229);

Вы знаете, когда перед вами сидит живой человек... и когда он говорит что-то – даже если вы с ним совершенно не согласны... но если этот человек не вызывает у вас определенного отвращения, чисто физического, то в конце концов вы понимаете – да, это правомерный взгляд на вещи (Волков 2002: 277).

Специфичность когнитивного стиля тесно связана с характерной усложненностью синтаксиса Бродского. Постоянное осознание субъективности собственной позиции, отчетливое осмысление возможности другого положения дел в мире либо возможности другой его интерпретации приводит к интенсификации введения в синтаксическую структуру, помимо ментального модуса, таких компонентов, как:

- вводные конструкции (особенно востребованными, по нашим наблюдениям, в синтаксисе Бродского оказываются метатекстовые парентетические конструкции, а также конструкции, ориентированные на

оценку достоверности, истинности сообщаемого (*может быть, наверное, как кажется* и под.) и на выражение сопоставительных и противительных отношений между компонентами сообщаемого (*с одной стороны, с другой стороны; наоборот, напротив*);

- уточняющие и пояснительные конструкции (особенно часто Бродский использует такие их маркеры, как *то есть, или, точнее*);
- специфические ряды однородных членов, а именно конструкции с градационными отношениями, выражающими «колебания при оценке, при выборе того или иного обозначения» (Русская грамматика 1980: 172);
- условные и уступительные придаточные; уместно подчеркнуть, что первые «всегда предполагают гипотетичность предопределяющего» (Русская грамматика 1980: 563), а вторые содержат «контраргумент (либо поправку, корректив), опровергающий либо ограничивающий истинность, безоговорочность утверждаемого в главной части (Русская грамматика 1980: 586; выделено нами. – Е. З., И. Е.) и т.п., ср.:

— [...] *Не идет ли ваша «русскость» на убыль?*

— [...] *Я не знаю, может быть, моя русскость идет на убыль, но если она может идти на убыль, то это и есть ее красная цена, это и свидетельствует о ее качестве. Думаю, что этого нет, хотя, может быть, и есть, я не знаю. По крайней мере, стихи по-русски мне до сих пор писать хочется, и я до сих пор этим занимаюсь. То, что я делаю, мне нравится, точнее, часто нравится, и это в конечном счете то, что меня более всего интересует* (Бродский 2000: 116);

Для того чтобы стишок написать, надо все время вариться в идиоматике языка. **То есть** слушать его все время – в гастрономе, в трамвае, в пивном ларьке, в очереди и так далее. Или совсем его не слушать. Вся история заключается в том, что, живя в Нью-Йорке, находишься в половинчатом положении. **С одной стороны**, телефон звонит и все вроде бы продолжается. **А с другой стороны**, ничего не продолжается. Такая вот фиктивная ситуация. Было бы лучше вообще не слышать родного языка. Или **наоборот** – слышать его гораздо чаще (Волков 2002: 218);

Результат русского опыта, следовательно, может быть двояким: **с одной стороны**, оно может превратить человека в циника, **с другой же** – превратить человека в нечто обладающее необычайной стойкостью. **То есть** в некотором смысле закалить его. **Я верю** – что значит **верю, не верю, дурацкие слова** – если речь идет обо мне, **то думаю**, что мне удалось не стать циником. Это все (Бродский 2000: 320).

Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что эта особенность синтаксиса Бродского, возможно, связана со своеобразием осмысления поэтом самой субстанции русского языка, ср. следующие его соображения:

Например, **в русском языке**, хотя это сильное обвинение, **всегда присутствует ожидание обратного**, полагаю, просто потому, что слова многосложны и в них помещается очень много фонетики. К тому же присутствует некий элемент самоуничтожения, просто потому, что слогов слишком много, чтобы принять это обвинение за чистую монету. **Идея противоположного, амбивалентности, предательства** прокрадывается в язык. Сейчас мы говорим о нюансах. На самом

деле по-русски в какой-то мере легче говорить очень ровным тоном, вне зависимости от чувства. Чувство может быть прямым: «я это одобряю» или «я этого не одобряю». Но **просто из-за языка выражение** этого чувства **слегка окрашивается двусмысленностью** [...] На этом можно играть бесконечно, потому что **почти любое утверждение отдает неуверенностью** (Бродский 2000: 58–59).

На фоне вышеприведенной идеи Бродского кажется вполне естественным предположить, что все отмеченные когнитивные особенности будут обнаружены и в его лирике поэта: различия, по-видимому, должны состоять главным образом в степени концентрированности тех или иных особенностей в стихотворном тексте: ведь для самого поэта «преимущества стихотворения как литературной формы состоят [...] в его исключительно высокой конденсации как интеллектуального и эмоционального, так и чисто языкового опыта» (Бродский 2000: 242). Это предположение в целом оказывается вполне справедливым, но нуждается в некоторых уточнениях.

Как и в беседах и интервью Бродского, в его лирике доминирует ментальный модус мнения. Но если для таких речевых жанров, как интервью или беседа, предпочтение модуса мнения естественно счесть чертой не более чем показательной, то для лирических текстов аналогичную преференцию можно назвать как минимум необычной, если не уникальной. Обычно лирика избегает применительно к «я»-субъекту эпистемической зоны мнения: конструкции типа *я думаю/считаю/полагаю, что...* традиционно не получали в лирике шансов на экспликацию, что связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, лирика, в той или иной степени тяготеющая к сфере внутрен-

ней речи, отличается повышенной предикативностью и рематичностью, а ментальные модусы мнения практически не попадают в коммуникативный фокус высказывания. Во-вторых, лирика принципиально эгоцентрична, а для «я»-субъекта его собственное мнение имеет «статус субъективной истины» (Дмитровская 1988: 14), т.е. субъективно неотлично от знания. Тем не менее для поэзии Бродского эта «общелирическая» закономерность становится совершенно нерелевантной: самым востребованным ментальным предикатом в его поэтических текстах оказывается глагол *полагаю* (как в позиции предиката пропозициональной установки, так и в парентетической позиции), например: *Помножив краткость бытия // на гнездышки и забытьё // при пеньи, полагаю я, // мы место уточним свое* (Садовник в ватнике, как дрозд...); *В былые дни и я пережидал // холодный дождь под*

колоннадой биржи. // И полагал, что это – Божий дар. // И, может быть, не ошибался (Почти Элегия); [...] *самоубийство есть грех и вето; // а я за тобой полагаю это* (Памяти Т. Б.); *Полагаю, и вправду // хорошо, что мы врозь, // чтобы взгляд астронавту // напрягать не пришлось* (Строфы) и т. п.; нередко встречаются и синонимичные *думаю, считаю*, ср.: *Я думаю, что ты – // и то, и это: звезды, лица, предмета // в тебе черты* (Бабочка); *Я думаю: внутри у нас черно* (В тот вечер возле нашего огня...); *Глядя в другой пейзаж, // будем считать, что клин этот острый – наш // общий локоть* (Келломайки) и под.

Кроме того, альтернативность картины мира нередко реализуется в лирике Бродского в форме таких специфически «лирических» синтаксических приемов, как серии дизъюнктивных или вопросительных конструкций:

В гордыне
твоей иль слепоте моей
все дело, или в том, что рано
об этом говорить, но ей-
же Богу, мне сегодня странно
(Пенье без музыки);

Чем это было?
Самоубийством? Разрывом сердца
в слишком холодной воде залива?
Жизнь позволяет поставить «либо»
(Памяти Т. Б.);

То, куда мы спешим,
этот ад или райское место,
или попросту мрак,
темнота, это все неизвестно,
дорогая страна, постоянный предмет воспеванья,
не любовь ли она?
(От окраины к центру),

[...] то ль слезинка, то ль весточка вербная –
и тебе не понять,
да и мне не расслышать, наверное:
то ли вправду звенит тишина,
как на Стиксе уключина,
то ли песня навзрыд сложена
и посмертно заучена.

(Как тюремный засов...).

236

В лирике поэта также достаточно интенсивно представлено усложнение синтаксических построений за счет введения в структуру высказывания конструкций, набор которых в качественном отношении мало отличается от выявленных при анализе текстов интервью и бесед, а именно:

– метатекстовых вводных конструкций (среди самых частотных должны быть названы *вернее, к тому же, в конце концов, впрочем, по крайней мере, до известной степени, в общем, пожалуй* и т. п.), ср.: *Но этот блик не покидает глаз. // Вернее, темноты не покидает* (Огонь, ты слышишь, начал угасать...); *Трельяж для разводящейся четы, // пожалуй, лучший вид перегородки* (Сумев отгородиться от людей...); *В такой архитектуре // есть что-то безнадежное. А впрочем, // концертный зал на тыщу с лишним мест // не так уж безнадежен* (Остановка в пустыне); *Так мало нынче в Ленинграде греков, // да и вообще – вне Греции – их мало. По крайней мере, мало для того, // чтоб сохранить сооруженья веры* (Остановка в пустыне); *Когда я умру, а сказать точней: // когда я проснусь, и когда скучней // на первых порах мне придется там, // должно быть, виденья, я вам воздам* (Письмо в бутылке);

– синтаксических единиц, связанных уточняющими и поясняющими отношениями, ср., например, устойчивость в лирике Бродского конструкций с союза-

ми не то чтобы, а (но) и то есть: Не то чтобы весна, / но вроде (В распутицу); *И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут, // но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут – конец перспективы* (Конец прекрасной эпохи); *Я не то что схожу с ума, но устал за лето* (Я не то что схожу с ума, но устал за лето...); *То есть, одетый в любое платье // Бог тебя примет в свое объятье* (Памяти Т. Б.); *[...] надежным, то есть, образом от боли // ты удален* (Разговор с небожителем);

– вставных конструкций всех мыслимых структурных типов, ср., например, показательный по разнообразию набор вставок в стихотворении «Речь о пролитом молоке»: *Жизнь вокруг идет как по маслу. // (Подразумеваю, конечно, массу); Шарик обычно стремится в лузу. // (Я, вероятно, терзаю Музу.) // Не Конкуренции, но Союзу // принадлежит прекрасное завтра. // (Я отнюдь не стремлюсь в пророки. // Очень возможно, что эти строки сократят ожиданья сроки: // «Год засчитывать за два».); Блеск презираемого металла (далее – изображение в лицах) // приятней, чем пустота карманов [...]; Но, пока нигде не слышать пророка, // предлагаю – дабы еще до срока // не угудить в объятья порока – // займите чем-нибудь руки; Важно многим создать удобства. // (Это можно найти у Гоббса.); Но в таком реестре (издержки слога) // свобода не выбрать – весьма убога и т. п.*

– условных придаточных предложений (причем даже и не чисто условных, а промежуточных между условными и вставными: *Что, боги, – если бурое пятно // в окне символизирует вас, боги – // стремились вы нам высказать в итоге?* (Второе Рождество на берегу...); *Память – если не гранит – // одуванчик сохранит* (Стихи на смерть Т. С. Элиота); [...] *по горбу его плачет в лесах осина, // если кто-то плачет о нем вообще* (Лагуна); *Можно сказать, что на Юге в полях уже // высевают сорго – если б знать, где Север* (Итак, пригревает. В памяти, как на меже...).

При этом важно подчеркнуть, что в лирике отмеченная тенденция к усложнению синтаксического рисунка высказывания предельно концентрируется, в результате чего возникает неповторимое трагически-ироничное «плетение словес» Бродского, в котором любое слово, выражение, утверждение (и, в конце концов, весь дискурс в целом) может оказаться помещенным в оправу бесконечных комментариев, корректировок, автопровержений, оговариваний гипотетичности, неокончателности, субъективности и условности всего, о чем идет речь, ср.:

237

Бесчеловечен,
верней, безлюден перекресток [...]
В пустом, закрытом на просушку парке
старуха в окружении овчарки –
в том смысле, что она дает круги
вокруг старухи – вяжет красный свитер...
(С февраля по апрель);

Если кончу дни под крылом голубки,
что вполне реально, раз мясорубки
становятся роскошью малых наций –
после множества комбинаций
Марс перемещается ближе к пальмам;
а сам я мухи не трону пальцем
даже в ее апогей, в июле –
Словом, если я не умру от пули,
если умру в постели, в пижаме,
ибо принадлежу к великой державе,
То лет через двадцать, когда мой отпрыск,
не сумев отоварить лавровый отблеск,
сможет сам зарабатывать, я осмелюсь
бросить свое семейство – через
двадцать лет, окружен опекой
по причине безумия, в дом с аптекой
я приду пешком, если хватит силы,
за единственным, что о тебе в России
мне напомнит. Хоть против правил
возвращаться за тем, что другой оставил
(Прощайте, мадмуазель Вероника)

 Стихи 2003

Итак, пускай длина черты
известна нам,
а нам известно,
что это – как бы вид четы,
пределов тех, верней, где места
свиданья лишена она,
и ежели сия оценка
верна (она, увы, верна),
то перпендикуляр, из центра
восстановленный, есть сумма сих
пронзительных двух взглядов...
(Пень без музыки), –

причем все эти словесные «сети» то и сительность относительна в квадрате, ибо
дело прорывает ироничный авторский существует в мире текста:
голос, напоминающий, что вся эта отно-

Коню не до ухи
под носом.
Тем более, *хи-хи*,
колесам
(В распутицу);

Когда-нибудь, когда не станет нас,
точнее – после нас, на нашем месте
возникнет тоже что-нибудь такое,
чему любой, кто знал нас, ужаснется.
Но знавших нас не будет слишком много [...]
И что им этот безобразный дом!
Для них тут садик, *говорят вам* – садик
(Остановка в пустыне).

Интересно, что эта ментальная позиция была хорошо отрефлексирована самим поэтом, заметившим однажды, что он относится к категории людей, у которых «нет иллюзий относительно объективности взглядов, которые они исповедуют; напротив, они настаивают на своей субъективности прямо с порога. [...] Как правило, они полностью сознают уязвимость, присущую их взглядам и позициям, которые они отстаивают», что связано «с их инстинктивным, отнюдь не заемным

пониманием того, что крайняя субъективность, предвзятость и, в сущности, идиосинкрязия суть то, что помогает искусству избежать клише. А именно сопротивление клише и отличает искусство от жизни» (Бродский 1998: x1). К этому стоит добавить, что самому Бродскому такая идиосинкрязия, как кажется, помогла избежать клише не только в искусстве. Как это ни парадоксально, но, по-видимому, можно утверждать, что четкая фиксация субъективности и относительности

собственной ментальной позиции и программный отказ от конструирования устойчивой и окончательной картины мира и является той чертой (или, по крайней мере, одной из тех черт) когнитивного

стиля Бродского, которая «склеивает» все то, что помыслено и сказано поэтом (независимо от жанра речи, типа текста или коммуникативной ситуации), в единую и удивительно цельную картину.

summary

To the probleme of Joseph Brodsky's cognitive style

239

The article is centred around such features of Joseph Brodsky's cognitive style as an emphasized subjectivity of his mental position, the accentuation of the universe's polyvariety, the refusal to postulate the ultimate and objective truth. These features are made manifest firstly, in the specific use of mental belief mode, secondly, in a syntactic complication of Brodsky's texts (numerous parenthetical, appended, embedded etc. constructions). This syntactic complication related to Brodsky's cognitive style is especially evident in his lyrical texts.

Литература

- Баранов, Паршин 1986: **Баранов, А. Н.; Паршин П. Б.** Оценочный аспект когнитивного стиля и его языковые корреляты. – In: Когнитивные стили. – Таллин. – С. 24–28.
- Борухов 1992: **Борухов, Б. Л.** Введение в мотивирующую поэтику. – In: Филологическая герменевтика и общая стилистика. – Тверь. – С. 5–22.
- Бродский 1998: **Бродский, Иосиф.** Письма Горацию. – Москва: Изд-во «Наш дом – L'Age d'Homme». – 304 с.
- Бродский 2000: **Бродский, Иосиф.** Большая книга интервью. – Москва: «Захаров». – 703 с.
- Волков 2002: **Волков, Соломон.** Диалоги с Иосифом Бродским. – Москва: Изд-во Эксмо, 2002. – 448 с.
- Дмитровская 1988: **Дмитровская, М. А.** Знание и мнение: образ мира, образ человека. – In: Логический анализ языка: Знание и мнение. – Москва: Наука. – С. 6–18.
- Жолковский 1992: **Жолковский, А. К.** «Я вас любил...» Бродского. – In: Жолковский А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. – Москва: Сов. писатель. – С. 263–287.